

**Владимир
КОРКУНОВ**

г. Москва

Книга о русских и для русских

Поэзия Виталия Молчанова зарождается там, где сходятся народные поверья и православные предания, где Россия возвращает имперский лик, а история раз за разом утверждает себя в качестве ориентира для будущих поколений. Автор ищет Россию в ней самой и – в себе; его книга «Фрески» – скорее, не плод вдохновения, а ума, и мысль здесь главенствует над чувством. Точнее: мысль порождает чувство и управляет им.

Композиционно книга включает разделы «Замученный храм», «Обереги на извѣстке», «Питая малое большим», «Табынская поэма» и «Бельгия». Уже по первому из них становится понятно, что основная задача Молчанова – воцерковление читателя и разговор с Богом. Однако этим поэт не ограничивается. Для него неразрывны Русь и вера, и это единение – на его взгляд – способно уберечь душу перед лицом тлетворных соблазнов, даже под нарядной обложкой. Эта тема поднимается в стихотворном цикле «Нагой» (он же Василий Блаженный; святой ходил без одежды круглый год, отсюда его прозвище) и восходит к легенде о том, как старец камнем разбил якобы чудотворный лик Божьей Матери, под которой скрывалась «дьявольская харя».

Образы юродивых, канонизированных и нет (как, скажем, Иван Корейша), подчёркивают народную сущность веры и традиционную набожность сирых и убогих, многие из которых становились целителями и ясновидцами. При этом Молчанов не просто рифмует предания о них; но – пе-

реосмысливает, поэтически преобразует хрестоматийные образы. Так, легенда о Ксении воплотилась в стихотворение о старике. Его облик – а несчастный, подражая юродивой, нацепил женскую одежду – не имел сакральной силы. А потому старик стал лишь жалкой пародией на блаженную.

Молчанов высказывается максимально внятно и конкретно. Порой здесь не хватает собственно поэзии как искусства – однако поэта «Фресок» предполагает иной путь воздействия на читателя. Автор предпочитает историческую точность и литературную прозрачность, когда художественные приёмы используются дозированно и прорастают отдельными яркими сравнениями, аллюзиями, образами, как сказал автор вступления Пётр Краснов, «метафорическими вбросами»: «Где покрыты щѣки поля первым пухом вешних трав», «Свечной наплыв растёт до потолка/ Зубастой тенью – тучей с рваным краем», «В глазах незрячих алый жар камина/ Цветочком стал» и др. Периодически Молчанов сталкивает разные формы искусства, показывая единоначалие культуры – и её беспредельный конец. Так, в диптихе «Богомаз» сближаются образы рассказчика и художника-иконописца. Оба в известной степени рисуют, и какой образ Бога подлиннее: созданный словом или краской, остаётся в области художественной убедительности.

Единственное стихотворение, контрастирующее с остальными в книге, – «Мирное время». В нём Молчанов демонстрирует поэтический инструментарий и – многомерную образность, несколько чуждую основному (патриотически-православному) посылу книги, но отчасти даже более убедительную: «В избе тепло. Привычно пахнет бражкой,/ И остро – свежеструганной сосной./ Сынко родился, говорят, в рубашке,/ У Марьюшки под самый выходной.// Когда дома к земле давила стужа/ И к тёплой печке жалась баюны,/ Раздался крик, стяхнув лепнину кружев/ Со стёкол в отражённый свет луны.// Как бисером расшитая дорожка –/ Небесный самотканый рушничок,/ Чтоб по нему прошли босые ножки,/ Не обморозясь, в облачный чертог.// «Родимчик», – рот прошамкал повитухи:/ «В рай полетела детская душа»./ При тусклой лампе свѣкор шил подпруги,/ Дырявя кожу остриём ножа.// Не чахнуть внуку в царской катажке,/ Не гнить в окопах Первой мировой.../ У Марьюшки родился сын в рубашке/ И умер в ночь под самый выходной.// Где от полозьев чёрные полосы/ Морщинами легли на ровный снег,/ Метель морозно-ветряной двухвосткой/ С плеча хлестала уходящий век».

Время стихотворения – начало XX века. Подтекст христианский – смерть принимается за благо: душа отправляется к Богу. Вот только понимание текста

идёт не напрямую, а через образ, и это уже требует иного уровня восприятия. В чём удача мертворождённого младенца? Разумеется, не в мгновенном воссоединении с Богом – это-то само собой. Но больше в том, что ребёнок не станет свидетелем войн и революций, участником антирелигиозных кампаний, что априори отдаляет от облачного чертога. Так человеческое несчастье оборачивается показной благостью, и Молчанов на лексическом уровне подчёркивает двусмысленность и трагизм ситуации: «чёрные полозья», «морщины на снегу» и др.

Поиск пути (не только с оглядкой на высшие силы) считается в стихотворении «Храм». Слепая вера здесь становится антитезой вере осознанной, и следование течению, пусть даже Божьему, воспринимается как безволие или – шаг к обретению себя; во всяком случае, сдвиг в характере происходит – путь от безверия к вере показан через метафору, которая окантовывает текст: «Ты вёслами машешь на месте... <...> И тихо меня понесло по спокойному руслу/ Без вёсел и паруса плавное Божье течение».

Трудно понять, какие стихи лучшие не у автора, а для автора. В разных текстах Молчанов решает различные художественные задачи, и, пожалуй, стоит принять публицистику или рассказы в стихах («Рыбалка», «Фингал» и др.) как форму наиболее наглядную. Следует отметить и чётко выстроенную оппозицию Россия/Запад, в которой эволюция лирического героя неизбежно связана с отказом от ценностей, навязанных извне. Для этого Молчанов прибегает к метафоре. Так, в стихотворении «Сердце-осень» автор вырывает прозападное сердце, чтобы заменить его русским, и даже описания природы (он соотносит душевные метания с изменениями в окружающей среде) – не случайны, это тоже возможность показать отношение к миру и таящимся в нём дивинациям.

Одним из ключевых стихотворений книги назовём тождественное названию – «Фрески». Им открывается раздел «Обереги на извёстке». Молчанов намеренно выбирает метрику текста, максимально приближенную к живой речи, наговору или шёпоту. Это шуршание слов от строфы к строфе только усиливается: вначале до непонятного гула, затем – отчаянно-яростной, с трудом сдерживаемой боли.

*В помощь только добрый лемех
и собак дворовых кости.
Жарче-жарче, ближе-ближе
верховой огонь горячий.
«Мама, душно! Мама, слышишь балок треск», –
сынишки плачут.*

<...>

*...За минуту до спасенья
Кровля пала, погружая в огневое погребенье.*

<...>

*Матерь Божья тёплым светом –
нежным ласковым покровом –
Промокает капли лета на челе земли просторном.*

<...>

*Русь, Россиюшка, Расея,
сколько горького страданья
От лихих междоусобиц, от измен, братоубийства?
<...>*

*Быль живёт под слоем красок.
Пишет дед. Скрипят подмости...
Не жалей желтков для красок
в берегах на извёстке.*

В очередном историческом полотне Виталий Молчанов частично раскрывает историю Новгорода-Северского, частично – подчёркивает роль художника (здесь выбраны фрески), который становится историком, но на христианский манер («Верой в Бога взгляд утроен сотворяющего фрески»). С позиции автора подобная интерпретация духовно-документальна («Поразит Георгий змея супостатам в назиданье»). Однако насколько религиозный взгляд отражает действительность – не сказано.

Хотя, вероятно, художник наделён пророческими способностями, как и юродивые из первой части книги; как и Шаман (раздел «Питая малое большим») из одноимённого стихотворения. Это своеобразная форма единения высокого с низким (юродивый/пророк, дурак/пророк) свойственна отечественному сказко- и мифотворчеству.

На другом полюсе «емелиного прекраснотушия» – Маруся, сорокалетняя деревенская дурочка, которая мечтает о «своём» Ванюше (местном Эрасте). Неграмотная и недалёкая (сама себя называет «Венерой из пены»), она оказалась нужна на одну ночь безвестному столичному ловеласу. А теперь – беременна. Молчанов живописует её душевное состояние, в любви беспутное, и видит единственную дорогу – к вере: «теплеет Марусино сердце –/ С иконы в углу смотрят ласково мама с младенцем».

Пожалуй, Молчанов единственный раз расходится с православным мировосприятием в стихотворении «Эвтаназия». Он говорит о праве на смерть, как бы оправдывая добровольный уход из жизни – во всяком случае, призывая не судить.

– Спешу, дюймовочка моя,
беги по проводам до кнопки,
Нажатой докторской рукой,
косой о позвонки греми.

К этому стихотворению примыкает и другое, «Авессалом, или Эффект плацебо». Оно основывается на мифе о третьем сыне Давида и утверждает веру в исцеление – через собственно веру и покаяние, которые способны – по мнению лирического героя – заврачевать если не тело, то, во всяком случае, душу: «В церковь схожу, покаюсь,/ Дело пойдёт на лад,/ Смерти тиски разжались...»

«Табынская поэма» повествует о потере и обретении оренбургской святыни; сюжет накладывается на исторический фон – дело происходит в годы Гражданской войны. Большевики противопоставлены православным: революция у Молчанова бессильна перед верой. Так, демонстранты, встретив крестный ход, примыкают к церковному «стаду». И хотя икона способна карать за надругательства, она же способна и миловать, даже – исцелять. Таким образом, автор не только наделяет Одигитрию чудодейственными свойствами («Трижды с матушкой-Иконой обошли весь град вокруг:/ Прекратились смерти, стоны, вытер слёзы Оренбург»; таковы и реальные легенды), он очеловечивает её, оживляя.

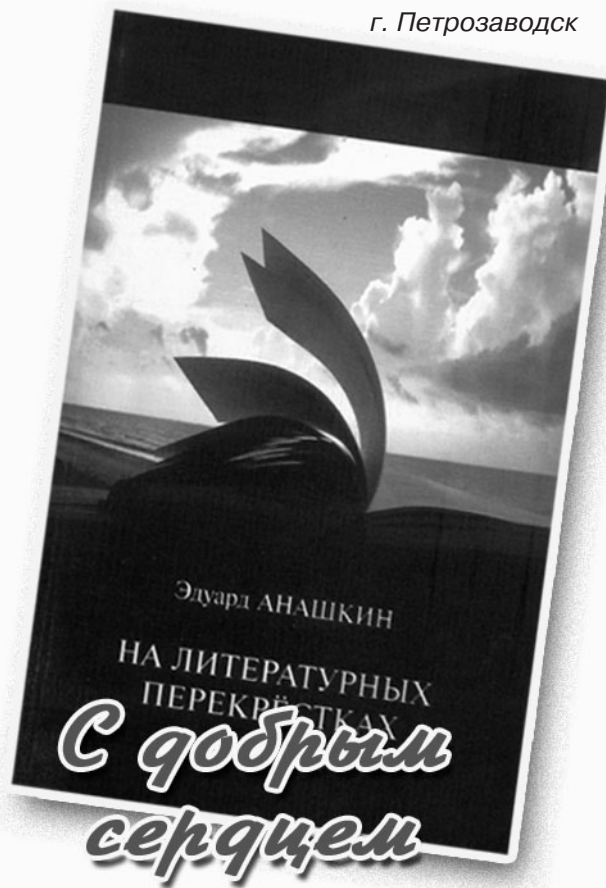
Завершает книгу венок метасонетов «Бельгия». И если «Табынская поэма» итожит первый посыл книги: «Русь без веры немислима», то льежский цикл утверждает вторую мысль: «Русскому вне России – тоска». Вот и протагонист цикла, оказавшийся на поэтическом фестивале, пусть и впитывает окружающую среду («Мне бы Jack'a успокоить нервы,/ Daniel's – фамилия врача»), но отыскивает русское и русскость буквально во всём («Русский бренд на бренде из ненаших»), а это уже имперский мотив.

В конечном счёте, книга Виталия Молчанова – о русских и для русских. Причём именно для ортодоксальных соотечественников, для которых «глобализация» и «мультикультурализм» – слова с негативным коннотационным значением. Отчасти оренбуржец пытается убедить в позиции напрямую, отчасти делает это литературными методами. Ну а принять ли взгляды Молчанова – дело за читателем.

Виталий Молчанов, «Фрески».
М.: ИПО «У Никитских ворот»,
2015

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

В прежние годы выпускалось достаточно много книг, авторы которых делились литературными воспоминаниями, писали мемуары и очерки о своих коллегах-писателях, о том, как приходили к читателю их произведения, как эти произведения рождались.

Многие такие книги пользовались неизменной любовью, читались и перечитывались. На моих книжных полках до сих пор стоит, например, книга Константина Ваншенкина «Поиски себя», в которой замечательный поэт рассказывает о своих друзьях – поэтах, чьи стихи помнятся многими. В книге много теплоты, много юмора, перечитывать ее – сплошное удовольствие.

Но я не о Ваншенкине. Это только пример. Сейчас время изменилось, ужесточилось. И писатели, в том числе те, чьи новые книги мы раскупаем в оставшихся редких книжных магазинах, все больше говорят о себе. Достижение успеха за-